

Юрий ПЯТАКОВ

г. Медвежьегорск, Карелия

Выстрел в «яблочко»

Дед Андрей не числился в списках народных сказителей, но за свои байки давно был признан мастером «пули отливать». Да так складно! Слушатели по обыкновению ухмыляются недоверчиво — почему? Если жизнь ключом бьёт, и не только по голове, то приключений в нашем брэнном существовании хватает. Этому дедову рассказу я верю охотно. Если б мне ещё его умение так образно и с такими «выражениями» повествовать! Но всё по порядку.

Андрей тогда ещё не был дедом.

И два года не минуло, как статный красноармеец в шинели и будёновке, в умело накрученных обмотках вернулся в родную деревеньку. Отслужил достойно. Особенно отличался на стрельбах — из любого положения всегда в «яблочко» попадал. Значок «Ворошиловский стрелок» первое время заслуженно красовался на широкой груди, пока при очередном обмывании награды не исчез бесследно — может, кто-то из друзей вместе с самогоном проглотил?

И два года не минуло, а неуёмный Андрюха на берегу озера новый дом срубил. Невелико жилище: из двух комнат, но ладное получилось — уютное и теплое. Сразу после новоселья пришла на редкость лютая зима — каждый уголок в избе проверила, но не помешала Андрею с Катериной свадьбу справить и о преемниках подумать. Ближе к осени молодой папаша в одной из комнат повесил необычно широкую люльку — двойняшкам почивать не тесно.

В глухой карельской деревне и слыхом не слыхивали про финансовый кризис, про великую депрессию тем более. Кое-что провели

о сухом законе в Америке. Мужики удивлялись — как это?

Жили-выживали — всё, как обычно. Грибы-ягоды промышляли, рыбу, конечно, а Андрей, обновив приклад у старенькой берданки, ещё иногда успевал с ружьём по окрестностям пробежаться. Удачливый был охотник — знал повадки животных, до тонкостей понимал их. Баловал родных и близких зайчиной, дичью, иногда и лосятиной. И в хозяйстве ладилось. На Руси такой тип хозяина бытует: «всё в дом да в дом» — это про Андрея. За радением и не бедствовали. Экономный хозяин особо гордился своим изобретением — «полузарядами»: калибр у берданы и без того пустяшный, а он каждый заряд пороха и дробин на два раскладывает. «На белку годится, — уверяет, — меньше шкурку портит».

Белки в ту осень много пришло. С сосны, что рядом с домом, шелуха непрестанно сыпалась — каждое утро Катерина крыльцо подметала. Вскоре после Покрова ударили неожиданные морозы, а к началу ноября белки вылиняли до голубизны.

— Пора! — констатировал молодой охотник. — Нынче в райцентре пушнина в цене. Живая копейка для малышей лишней не будет.

Поутру, рассовав по карманам телогрейки несколько «полузарядов», бросив на ходу: «Скоро буду!», он бодрой походкой кормильца вышагивал в сторону дальнего соснового бора — там белка.

Ритмично поскрипывал под валенками тонкий слой снега. Нравилось Андрею это бодрящее хрумканье — как музыку слушать готов. Идёт, мечтает! Задумался мужик. И кто его надоумил голову влево повернуть? Вдоль опушки стая мчится — следом снег вихрем кружится. Эта рифма от страха — опытный глаз определил надвигающуюся волчью неотвратимость. Куда? У ближайшего стожка-шалашика в три прыжка очутился. «Вот могилка моя! — мелькнуло у Андрея, когда он гнезвился внутри стога. — Такими зарядами волков даже не напугаешь». Дрожащие руки лихорадочно вставляли в ружьё худосочный патрон, а глаза отслеживали приближение волков. «Ба! Да впереди стаи медведь салом трясёт, — разглядел Андрей, — храни Боже! Храни Боже!» До десятка волков нахрапом преследовали косолапого, двое уже сбоку обошли, но нападать не решались. С раз-

бегу, резвым прыжком медведь взлетел на вершину уже занятого убежища — а что ещё оставалось? Волки, поскуливая в смятении, бесновались вокруг стога. В пылу преследования они даже не ощущали присутствия человека — зверь чуток в настороженности.

Смотрины продолжались недолго. Самые нетерпеливые волки лихорадочными прыжками пытались вцепиться в жирную медвежью ляжку. Каждая попытка сопровождалась свирепым рыком, но вот одна закончилась тупым ударом и истощным визгом.

— Вот ещё одна! — отсчитывал затаившийся бельчатник. — И ещё!

Медведь суетливо топтался по верхушке стога, ловко отбиваясь передними лапами от наседавших преследователей. От медвежьего топтания всё чаще потрескивали подпорки стога. Уже однажды когтистая лапа мелькнула над головой Андрея, а через мгновение там зияло морозное небо — посветлело. Ствол незамедлительно был направлен на просвет, указательный палец плотнее прижался к спусковому крючку: «Храни Боже!» Прореху иногда перекрывала туша укротителя волков. Его порывистые движения всё больше разваливали стог. Затрещало так, что у Андрея заохлодело под дыхом. Снова показалась мохнатая лапа, и острые, круто загнутые когти едва не коснулись шапки. Голова так втянулась в плечи, что сравнялась с ними — всё ждалось, и указательный палец правой руки тоже...

Последствий выстрела долго ждать не пришлось — вдруг стало темно, тепло и смрадно. И тишина!

— Наверное, так умирают? — подумалось Андрею. — А может, жив ещё? Просто обде-

лся от страха выше головы, — последняя мысль слегка утешила.

Долго, нет ли, слушал тишину бедолага, но обмахнулся рукавами фуфайки, проморгался и осторожно выкарабкался на белый свет. Зрелище поразительное: повсюду валялись издыхающие волки — кровавые пятна ярко краснели на белом снегу. Перезарядив ружьё, изготовившись, Андрей осторожными шагами обошёл всё поле боя. Из шести поверженных волков только два подавали признаки жизни, но и их добывать не пришлось — лапа медвежья поработала весьма усердно.

Окончательно придя в себя, Андрюха приободрился — почиститься решил. Снял вонючую шапку, встряхнул — на снегу забурели медвежьи испражнения, особо выделялись цельные ягодки рябины.

Две недели гуляли деревенские мужики на вырученные за шкуры деньги — обмывали чудесное спасение. Катерина препятствовала, было денег жалко, да где там.

— Я, что ли, волкам бошки отрывал? — буркнул Андрей. — Это не наши деньги — забудь!

Только после второй бани друзья перестали носы воротить, но подтрунивали ещё долго.

— Признайся, ворошиловский стрелок, куда медведю попал?

— Как всегда — в «яблочко»!

...Впереди была долгая и страшная война, которую снайпер Андрей Смирнов прошагал от начала до конца и вернулся живой и невредимый — без единой царапины. Всякое бывало! Даже в последний день войны, в Праге, отстреливаясь от недобитых фашистов, бывалый солдат нашептывал: «Храни Боже! Храни Боже!»

Юрий ПЯТАКОВ

родился в 1946 году в Пермском крае.

В настоящее время живет в Медвежьегорске Республики Карелия.

Плодотворно занимается народными промыслами, живописью.

В журнале «Север» публикуется впервые.

